

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
РЕЛИГИОЗНОГО ПРОСТРАНСТВА /
POLITICAL LEGAL FEATURES OF RELIGIOUS ENVIRONMENT



Серия «Политология. Религиоведение»
2016. Т. 18. С. 156–164
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 291.213

**Метафорика религиозного и парарелигиозного дискурсов
сталинского мифа***

А. М. Прилуцкий

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург*

Р. В. Светлов

Русская христианская гуманитарная академия, г. Санкт-Петербург

Аннотация. Статья посвящена анализу специфики метафорической структуры сталинского мифа. Сталинский миф определяется авторами в рамках религиоведческо-семиотического подхода как особый нарратив, апеллирующий к квазирелигиозным мотивам или предполагающий наличие иррациональных последствий реальных либо мнимых поступков И. В. Сталина. В статье на основе современных религиозных и парарелигиозных текстов анализируются особенности концептуальных, структурных и онтологических метафор, совокупность которых образует метафорическую структуру сталинского мифологического дискурса. Авторы полагают, что активное использование метафор в сталинском мифологическом нарративе преследует, в том числе, защитные цели, поскольку позволяет адептам избегать обвинений в ереси и искажении христианских концептов. Специфика мифологической герменевтики делает метафоры сталинского мифа не только устойчивыми, но и востребованными частью православных верующих.

Ключевые слова: сталинский миф, метафора, метафорическая структура, литургический текст, герменевтика мифа.

«Сталинский миф» сегодня достаточно регулярно воспроизводится в дискурсах политики, публицистики, художественной литературы. Это не должно вызывать недоумение: роль И. В. Сталина в новейшей отечественной истории такова, что едва ли не любое обращение к событиям 30–50-х гг. не может игнорировать образ этого вождя Советского государства. Как это часто бывает, образ «исторического» Сталина не тождествен Сталину «мифологи-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-33-1190 «Роль политических идеологий в истории России и проблема национальной государственной безопасности».

ческому», более того, из всех правителей СССР именно Сталин оказывается в наибольшей степени мифологизируемым современной массовой культурой.

Данная статья посвящена одной из проблем, связанных с изучением семиозиса «сталинского мифа», а именно – выявлению основных закономерностей метафоризации значимых элементов семиосферы, соотносимой с религиозной (и парарелигиозной) модальностями сталинского мифа: как мы показали ранее, «несмотря на то что содержание мифа не предназначено для раскрытия на аллегорическом уровне, пространство мифа зачастую включает в себя метафоры» [9, с. 167], а мифологический нарратив зачастую насыщен метафорами.

Поскольку в современной гуманитаристике отсутствуют общепринятые и нормативные дефиниции таких терминов, как «миф», «нарратив», «семиосфера», в начале нашего исследования необходимо сделать терминологическое введение. Объему понятия «миф» посвящена огромная литература, даже простое перечисление имен займет несколько страниц. Миф анализировался с философской, религиоведческой, исторической, семиотической, теологической и других позиций. В данном исследовании мы будем придерживаться семиогерменевтического подхода, продуктивность которого была доказана ранее [8], и который позволяет определить миф как *сюжетное повествование о сакральных и сакрализуемых событиях*.

Соответственно «сталинский миф» – *это особый нарратив, апеллирующий к квазирелигиозным мотивам или предполагающий наличие иррациональных последствий реальных либо мнимых поступков И. В. Сталина*. Говоря о нарративном характере дискурса сталинского мифа, мы тем самым подчеркиваем его важное качество: дискурсы сталинского мифа относятся к такой разновидности повествования, которая реализует не только информативную, но и экспрессивную функцию, позволяет формировать различные субъективные оценки предмета повествования.

Соответственно семиосфера сталинского мифа – *это все культурное пространство, в котором формируются, воспроизводятся и интерпретируются соответствующие дискурсы*.

Метафора является не только инструментом достижения эмотивно-оценочной или номинативной функций речи, метафоризация представляет собой сложный языковой механизм формирования специфической текстовой картины мира [2, с. 25], что является принципиальным в нашем случае.

Сталинский миф сегодня востребован различными дискурсивными областями современной культуры, но наиболее интересна его религиозная интерпретация; анализу метафорических структур последней и посвящено данное исследование.

Концептуальные метафоры сталинского мифа

Как известно, концептуальные метафоры используются для интерпретации, а соответственно, и понимания событий, действий, занятий и состояний [4, с. 56 и далее] При этом наиболее полно данная функция метафоры реализуется, когда предметом метафоризации становятся непредметные сущности. Абстрактные понятия («отвлеченные реалии») именно чаще всего благодаря

метафоризации обретают языковую форму: «метафора выполняет концептуальную роль при обозначении непредметных сущностей в научной, общественно-политической и обиходно-бытовой сферах» [7, с. 66].

Разновидностями концептуальных метафор являются метафоры ориентационные (пространственные), структурные и онтологические.

Отличительной особенностью использования ориентационных метафор в сталинском мифе является соединение в рамках единой метафорической системы дискурса политических и религиозных метафор.

Так, Сталин изображается как «великий вождь, перед которым преклонялся весь мир», но, который, тем не менее «боялся отпасть от вечной правды». Преклонение перед Сталиным современников, благодаря метафоризации, обретает характер не столько признания заслуг и символического выражения уважения, сколько религиозного, культового действия – сродни почитанию святого.

Так, приписываемые без должного основания святителю Луке (Войно-Ясенецкому) слова «я как православный христианин и русский патриот низко кланяюсь Сталину» представляют собой хороший образец формирования амбивалентной метафорической структуры, содержание которой может, в зависимости от прагматических установок реципиента, интерпретироваться:

- а) как действие религиозное;
- б) как действие сугубо «светское»;
- в) как ритуал квазирелигиозный, соответствующий псевдорелигиозной семиотике «культы личности».

Рассмотрим эти герменевтические потенции интерпретации метафоры. В первом случае речь идет о включении «образа Сталина» в пространство религиозного идеодискурса при помощи метафоризации. Подобная герменевтическая потенция носит выраженный интенционный характер – она включает предмет высказывания в религиозный контекст. Кстати, стоит отметить и то, что перед нами выраженное перформативное высказывание: заявляя «я... низко кланяюсь», актер тем самым уже совершает символическое поклонение благодаря использованию метафорической конструкции¹, а почитание святых, как известно, является важнейшей частью православной традиции.

Однако уровень перформативной метафоричности оказывается сложным и амбивалентным, поскольку поклонение может рассматриваться как в религиозном контексте (в этом случае акцент делается на первую часть интенции «я как православный христианин»), а может и быть интерпретировано в контексте светского идеодискурса (в этом случае акцент будет сделан на продолжение интенции «... и русский патриот»). В этом случае «поклонение» не будет иметь выраженного религиозного содержания, хотя определенные религиозные коннотации сохраняются. Причину последнего явления можно видеть в интердискурсивном характере советских ритуальных комплексов (гражданские панихиды, демонстрации, культ вечного огня, символическое увековечивание памяти героев и т. д.), которые проектировались и воспроизводились не

¹ По паттерну религиозного почитания святого.

в последнюю очередь по религиозно-культурным паттернам как конкурентные дискурсы.

Кроме того, среди пространственных метафор сталинского мифа встречаем вполне традиционное противопоставление верх/низ, восходящее к бинарным оппозициям мифологического сознания, описанным К. Леви-Строссом. В неканоническом акафисте Сталину эта оппозиция представлена как противопоставление движения вверх, метафорически означающее возрождение и устремление к небу, движению вниз, соответственно понимаемому как поражение врагов (вариант противопоставления – торжествующий герой твердо стоит на ногах/пораженный враг падает на землю). Первый компонент оппозиции представлен в формате молитвенного обращения к Сталину – «Восста́ни ны́нѣ о́гненнымъ дѹхомъ твоимъ. Второй компонент, выражающий профетическую модальность будущего времени, – и всѣхъ враго́въ Бо́жихъ и рѹда людска́го со Христо́мъ повѣргнемъ» [10].

Как нетрудно заметить, данные метафоры, помимо собственно метафорического значения развивают и значения символические: такой семиотический дрейф между полюсами *метафора* – *символ* вообще является отличительной чертой современных квазирелигиозных дискурсов, в том числе обеспечивающей их функциональную устойчивость через герменевтическую амбивалентность.

Структурные метафоры дискурсов сталинского мифа

Структурные метафоры, метафорически структурирующие один концепт в терминах и понятия другого, используются в семиотическом пространстве сталинского мифа для обеспечения его вхождения в имперский и новозаветный субдискурсы. Не случайно среди представителей маргинального (в том числе «альтернативного») православия популярны, казалось бы, взаимоисключающие идеологемы, такие как «святой Сталин», «царь-искупитель», «грядущий царь».

При этом идеологема «царь-искупитель» несет в себе мощный потенциал продуцирования структурных метафор, поскольку позволяет структурировать концепты монархического идеодискурса в терминах новозаветной христологии, некоторые из которых сами по себе метафоричны и (или) символичны («новая Голгофа», «иудино предательство», «Искупитель», «терновый венец», «Второе пришествие» и т. п.). Развивая потенциальные коннотации перечисленных метафор в контексте имперского дискурса, структурные метафоры обеспечивают соотнесение (едва ли не отождествление) царя Николая Второго и Иисуса Христа, Царя иудейского и Царя славы: «Николай Второй – новый Царь-искупитель».

Вхождение концептов сталинского мифа в новозаветный дискурс обеспечивается благодаря интерпретации сталинских идеологем в терминах имперской идеологии. Так, уже упомянутый «тропарь Иосифу Великому» именует Сталина «железным императором» – «Стальной императоре Великий Иосифе, Богом данный Вождь Россійския Земли, чья власть была «образом» царской власти – Силою Вла́сти Свы́ше отъ Бо́га обличѣнный по образу Царскому бѣль еси Премѹдре Иосифе» [10].

Кроме того, сталинский миф знает и интерпретацию сталинских репрессий как наказание «предателей Царя», т. е. Николая II: «Миссия Сталина заключалась в спасении России, ну и, конечно, в наказании сразу же предавших Царя священнослужителей, большевиков первой волны, интеллигентов и князей» [6], а знаменитое «дело врачей» интерпретируется как предпринятая Сталиным защита новорожденного «тайного будущего царя», преследуемого врачами – агентами «каббалистов» [12].

В итоге формируется семиотическая структура, образуемая взаимодействием нескольких метафор, благодаря которой осуществляется междискурсная коммуникация и снимается конфликт идеодискурсов: исторический Сталин – Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), революционер и атеист – становится «образом Царя» и опосредованно соотносится с тем, что можно условно определить как «голгофский дискурс». Не случайно в рамках сталинского мифа уже формируется идеологема «ритуального убийства Сталина евреями».

Таким образом, выстраивается сложный метафорический словесный ряд [11, с. 210]: *Царь Славы Иисус Христос, Святой Царь, Царь-Искупитель, Железный император, обладатель образа «царской власти»*. Специфика семиотического дрейфа позволяет адептам при необходимости использовать семиогерменевтические механизмы защиты от обвинений в ереси и игнорировании исторических реалий, поскольку соотнесение Николая II и Иисуса Христа, равно как Сталина с «образом Царя», носит именно метафорический характер, предполагающий наличие сходств, но не тождеств. Поэтому утверждение «Николай II – Царь-Искупитель» можно интерпретировать в различных модальностях – от самых «невинных» – «пострадал, подражая Христу» до откровенно неортодоксальных.

Именно нечеткость метафорической семантики не позволяет использовать метафорическую номинацию в богословском дискурсе, требующем строгих, доктринальных определений, и именно это свойство метафоры оказывается востребованным в данном случае. Четкие и нормативные определения только осложняют развитие сталинских и имперских компонентов в религиозном дискурсе, которые еще существуют в формате мифологем, а не теологем.

Если в последующем произойдет их теологическая концептуализация и категоризация, адепты сталинского и имперского мифов будут вынуждены разработать четкие дефиниции перечисленных ключевых понятий, что, в итоге, скорее всего приведет к образованию новой конфессии: согласовать такие теологемы с ортодоксальным православным учением вряд ли получится.

В качестве любопытной, но вполне расхожей параллели следует указать на, скорее языческую по своему происхождению, метафору Сталина-демиурга. Так, вступительная статья к второму тому антологии «Сталин: pro et contra», написанная И. В. Конадковым, не просто называется «Демиург и верховный главнокомандующий советского строя», но и наполнена именно демиургической метафорикой: «Он был Творцом и в более широком смысле – демиургом не только советского общества, но и советской культуры как целого, демиургом Советского Союза как новой социально-политической и духовной реальности». Как известно, демиург создает космос, преодолевая, принося

в жертву и рассекая богов прошлого мира. Так же и Сталин. Приведем еще одну показательную цитату: «Сталинская эпоха во главе со своим демиургом и Верховным главнокомандующим выявила совершенно неожиданный аспект творчества, рожденного революцией, – насилие. Именно не насилие как таковое, направленное на достижение какого-то военного, политического, социального или экономического результата, а перманентное насилие как творчество» [3, с. 14]. Хотя в данной статье мы видим перед собой прежде всего художественную попытку схватить в одной метафоре все разнообразие сталинской эпохи, сам термин и терминологический ряд весьма показательны. Вместе с тем нельзя забывать и об актуальности фигуры Сталина для неоязыческих субкультур, причем в самых разных социальных слоях. Так что подобная метафора может получить актуальность в рамках некоторой маргинальной квазирелигиозной «языковой игры», которая позволит установить коннотации между космической и «советской» демиургией. Мы видим, как в сталинском идеодискурсе формируется мифологический синкретизм, контаминирующий свойства мифа о культурном герое, демиургического и героического мифа [5, с. 56–94].

Онтологические метафоры

Онтологические метафоры, позволяющие описывать процессы, события, ситуации, ощущения, абстрактные понятия и т. д., как обладающие «материальной субстанцией» в дискурсах сталинского мифа представлены достаточно скудно. Наиболее частотными онтологическими метафорами в рассматриваемом случае являются «метафоры восстановления и защиты», к ним же примыкают не менее распространенные «метафоры наказания».

В «метафорах восстановления и защиты» государственная деятельность Сталина изображается как возвращение пореволюционной России (и СССР) к модусу Российской империи. Если учесть, что сама лексема «восстановление» обозначает прежде всего возвращение к исходному, изначальному состоянию, молитвенная интенция, обращенная к Сталину – «Щить и Ограждение Народа нашего (Державу Российскую) восстановивый и укрепивый» [10], явственно интерпретируется в имперском контексте. Аналогичным образом Сталин, «Державу нашу из пепла возсоздавый» [10], оказывается включенным в имперский дискурс – лексема «держава» в силу выраженной интердискурсивности политического дискурса обладает выраженными «имперскими» коннотациями: строки дореволюционного гимна «Сильный, державный,/ царствуй на славу, на славу нам» с минимальной переделкой оказываются вполне применимыми к образу «государственника» Сталина и ни в коем случае не могут быть соотнесены с «революционером» Лениным.

Метафора наказания развивает модус онтологической метафоры через опредмечивание «наказания» посредством метафорического описания социальных процессов (репрессий) через физическое действие с использованием вполне материальных предметов – меча, посоха и т. д.

Так, в уже цитированных паралитургических текстах правление Сталина изображается как метафорическое «упасание народов железным посохом» (что явно отсылает читателя к Откр. 2: 26–27), сопряженное с наказанием

«предателей Царя», – «предателей Бога, Царя и Россіи праведной казни преда́вый, народы Россійскія жезло́мъ железным упасший» [10].

В других текстах сталинского мифа Сталин изображается как «грозное орудие Промысла Божия в Русской судьбе», что посредством метафорического концептуализирования описывает Сталина как «инструмент» божественной воли, следовательно, не несущий ответственности за последствия репрессивной политики. Таким образом, онтологические метафоры оказываются инструментом сталинской апологетики.

Другие онтологические метафоры используются для демонизации противников Сталина, причем инструментом демонизации является создание негативного, выражено экспрессивного образа «врага Сталина» – кровавого злодея. Пролитая кровь мученика освящает Церковь, но на руках палачей она вопиет перед Богом об отмщении: «Сталин понимал социализм по Марксу буквально, а там про засилье-всевластие сатаноизбранных ничего не сказано. [Сталин находился в] Советской системе, где повсеместно, на всех уровнях, доминировали-командовали жи́ды-христорборцы, у которых руки были по локоть в русской крови» [1].

Мы видим, что метафорика сталинского мифа достаточно разнообразна, в его литургических и нарративных дискурсах представлены все основные типы метафор, которые не только выполняют экспрессивную функцию, но и используются для оформления основных мифологем и идеологем. Полагаем, что последнее не случайно. Именно язык метафор, избегающий терминологической точности и однозначности, оказывается способным задействовать различные герменевтические инструменты, что особенно актуально в условиях, когда адепты сталинского мифа желают сохранить собственный «православный» статус при осознании того, что излагаемые ими идеи далеки от православной ортодоксии («Царь-искупитель») и оценок иерархии («святой Сталин»). Именно язык метафор создает необходимое пространство для «герменевтического маневра», позволяющего минимизировать одиозность подобных утверждений в контексте православной традиции.

Список литературы

1. Возвращение блудного сына [Электронный ресурс] // ЖБСИ : сайт. – URL: <http://abulaev.0fees.net/index93.html> (дата обращения: 23.04.2016).
2. *Конадков И. В.* «Демииург и верховный главнокомандующий советского строя» / И. В. Конадков // «Сталин: Pro et contra». – СПб. : Изд. РХГА, 2015. – Т. 2. – С. 5–28.
3. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 256 с.
4. *Лебедев В. Ю.* Религиоведение : учеб. для бакалавров / В. Ю. Лебедев, А. М. Прилуцкий, В. Ю. Викторов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2013. – 629 с.
5. О Сталине [Электронный ресурс] // Покаяние. Восстановление монархии в России, самодержавие, православие и царская Россия : сайт. – <http://www.pokaianie.ru/article/19392/read/21838> (дата обращения: 23.04.2016).

6. *Опарина Е. О.* Концептуальная метафора / Е. О. Опарина ; отв. ред. В. Н. Телия // *Метафора в языке и тексте.* – М. : Наука, 1988. – С. 65–78.

7. *Прилуцкий А. М.* К вопросу о семиотическом анализе мифологических дискурсов / А. М. Прилуцкий // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия.* – 2015. – № 3. – С. 39–47.

8. *Прилуцкий А. М.* Структура религиозного дискурса: от мифологии к теологии / А. М. Прилуцкий // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Соц. науки.* – 2007. – № 2(7). – С. 163–169.

9. *Ручина У. В.* Онтологические метафоры в научном историческом тексте (на материале «Полного курса лекций по Русской истории» С. Ф. Платонова) / У. В. Ручина // *Вестн. Том. гос. ун-та.* – 2008. – № 317. – С. 25–28.

10. Тропарь Иосифу Великому [Электронный ресурс] // *Православный Царский толковый молитвослов для деятельного участия в воскресении России* : сайт. – URL: http://www.ic-xc-ika.ru/texts/Alexandrov_M/Molitvy/Molitvy_protivu_vragov_Boga_Tsary_i_Rossii.html#mozTocId480802 (дата обращения: 23.04.2016).

11. *Цинковская Ю. В.* Метафорический словесный ряд как средство создания художественного образа в произведении / Ю. В. Цинковская // *Учен. зап. Забайк. гос. ун-та. Сер. Филология, история, востоковедение.* – 2011. – № 2. – С. 209–212.

12. Чем Иосиф Виссарионович Сталин заслужил вечную благодарность русского народа? [Электронный ресурс] // *Москва – Третий Рим* : сайт. – URL: http://www.ic-xc-ika.ru/texts/2008/nov/n326.html#_Toc210785705 (дата обращения: 23.04.2016).

Metaphorics of Religious and Para-Religious Discourses of the Stalin Myth

A. M. Prilutskii

The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

R. V. Svetlov

Russian Christian Humanitarian Academy, St. Petersburg

Abstract. This article analyzes the specifics of metaphorical structure of the Stalin myth. The «Stalin myth» is defined by the authors in terms of religious-semiotic approach as a specific narrative appealing to the quasi-religious motives of Stalin's actions, or assuming the existence of irrational consequences of real or alleged Stalin's actions. Using contemporary religious and para-religious texts the authors analyze specifics of conceptual, structural and ontological metaphors, which together form the metaphorical structure of Stalin mythological discourse. The authors believe that heavy use of metaphors in Stalin mythological narrative is aimed at protective purposes, as enables adepts to escape accusations of heresy and Christian concepts misinterpretation. Specifics of metaphorical hermeneutics makes Stalin myth metaphors solid as well as popular among some orthodox Christians.

Keywords: Stalin myth, metaphor, metaphorical structure, liturgical text, myth hermeneutics.

Прилуцкий Александр Михайлович
доктор философских наук, профессор
Российский государственный
педагогический университет

Prilutskii Aleksandr Mikhailovich
Doctor of Sciences (Philosophy), Professor
Herzen State Pedagogical University
of Russia

им. А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. Реки
Мойки, д. 48
тел.: 8(812)3123640
e-mail: alpril@mail.ru

48, Moyka embankment, St. Petersburg
191186
тел.: 8(812)3123640
e-mail: alpril@mail.ru

Светлов Роман Викторович
доктор философских наук, профессор
Русская христианская гуманитарная
академия
191023, г. Санкт-Петербург, наб. Реки
Фонтанки, 15
тел.: 8(812)5715048
e-mail: spatha@mail.ru

Svetlov Roman Viktorovich
Doctor of Sciences (Philosophy), Professor
Russian Christian Humanitarian Academy
15, Fontanka embankment, St. Petersburg,
191023
tel.: 8(812)5715048
e-mail: spatha@mail.ru